

Валерий Брюсов

Stephanos

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ	0007
ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ	0009
ПРИВЕТСТВИЕ	0009
«Воздух становится синим...»	0010
«Помню вечер, помню лето...»	0011
ТУМАН	0012
ГОЛОС ПРОШЛОГО	0013
ОХОТНИК	0014
ЦЕЛЕНИЕ	0015
ТИШИНА	0016
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ	0017
ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ	0019
НА САЙМЕ	0021
«Меня, искавшего безумий...»	0021
«Желтым шелком, желтым шелком...»	0022
«В дали, благостно сверкающей...»	0023
«Мох, да вереск, да граниты...»	0024
«Я — упоен! мне ничего не надо!..»	0025
«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»	0026
«Голубое, голубое...»	0027
«Воздух живительный, воздух смолистый...»	0028
ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ	0029
К ДЕМЕТРЕ	0029
АДАМ И ЕВА	0031

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА	0033
МЕДЕЯ	0035
БАЛЬДЕРУ ЛОКИ	0037
ТЕЗЕЙ АРИАДНЕ	0039
АХИЛЛЕС У АЛТАРЯ	0041
КЛЕОПАТРА	0042
АНТОНИЙ	0044
ПАТМОС	0045
ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ	0046
ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ	0048
В ПОЛДЕНЬ	0048
ПОРТРЕТ	0050
ЖРЕЦЕ ЛУНЫ I	0051
ЖРИЦЕ ЛУНЫ II	0052
КУБОК	0053
МОЛНИЯ	0054
В ЗАСТЕНКЕ	0055
ВИДЕНИЕ КРЫЛЬЕВ	0056
В ТРЮМЕ	0057
ПОСЛЕДНИЙ ПИР	0059
В СКЛЕПЕ	0060
ДВА ГОЛОСА	0061
ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ	0063
МАРГЕРИТ	0064
МГНОВЕНИЯ	0066
«Костра расторгнутая сила...»	0066
«Серафимов вереницы...»	0067
«Когда мы бывали...»	0068

«Дай устам моим приникнуть...»	0069
ИЗ ПЕСЕН МАЛЬДУНА	0070
ПРОЩАНИЕ	0071
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	0072
ВСТРЕЧА	0072
НА УЛИЦЕ	0073
В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ	0074
В РЕСТОРАНЕ	0075
КАМЕНЩИК	0076
В ИГОРНОМ ДОМЕ (Chemin de fer)	0077
В ВАГОНЕ	0079
КРЫСОЛОВ	0080
ПОСЛЕ ПИРА	0081
ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ	0083
К ОЛИМПИЙЦАМ	0085
СОВРЕМЕННОСТЬ	0087
КИНЖАЛ	0087
К ТИХОМУ ОКЕАНУ	0088
ВОЙНА	0090
НА НОВЫЙ 1905 ГОД	0091
К СОГРАЖДАНАМ	0092
ЦУСИМА	0093
ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ	0095
ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ	0096
ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ	0097
ЦЕПИ	0098
ПАЛОМНИКАМ СВОБОДЫ	0099
УЛИЧНЫЙ МИТИНГ	0100

ЛИК МЕДУЗЫ0101
ДОВОЛЬНЫМ0102
ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ0103
К СЧАСТЛИВЫМ0105
ФОНАРИКИ0107
ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ0110
СЛАВА ТОЛПЕ0110
ДУХИ ОГНЯ0113
В СКВЕРЕ (Erlkönig)0117
КОНЬ БЛЁД0119

Валерий Брюсов
СТЕРНАΝΟΣ[1]
1904–1905

*Вячеславу Иванову,
поэту, мыслителю, другу*

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,
Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, —
В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!
Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.
Но путь был долог, сердце слепо,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.
И вот, в столице жизни новой,

Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!
Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумиравшей красоте!
И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!
16 ноября 1903

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

*De la musique avant toute chose,
P. Verlaine[2]*

ПРИВЕТСТВИЕ

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу — ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.
Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессилевши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.
Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,

Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем зачатым жизням — привет!
17 — 19 февраля 1904

«Воздух становится синим...»

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.
Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.
Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

«Помню вечер, помню лето...»

*День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев*

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...
Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.
Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!
6 марта 1904

ТУМАН

Вдоль тихого канала
Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.
Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одев.
Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,
Спешат скорей, скорей!
Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают

С их белою фатой!

1903

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.
Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.
Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.
Как в тумане все поблекло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.
Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.
1904

ОХОТНИК

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.
И, глужи черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.
А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.
Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На Запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.
16 апреля 1904

ЦЕЛЕНИЕ

Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!
Пуškai темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти, — молчи!
Обвили сладостными платами
Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.
Идут часы — мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,
И все, что было, — лишь мечта?
Иль я лишь прах, во гробе тающий,
Я — чей-то призрак в бледной мгле,
К давно минувшему взывающий
И всем безвестный па земле!

1904

ТИШИНА

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.
Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звезды первые зажглись.
О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.
Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы — горим в кольце змеином,
Мы — два призрака в сияньи,
Мы — две тени, две мечты!
4 — 6 февраля 1905

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Как любил я, как люблю я эту робость пер-
вых встреч,

Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые сло-
ва, —

Их напев не позабыл я, их душа во мне жи-
ва.

Я от ласковых признаний, я от нежных
просьб отвык,

Стал мне близок крик желаний, страсти
яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат — темнота и
нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь на голос
твой,

Как изгнанник, на чужбине услышавший
зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в
сумраке светло,

Быстрой поступью мгновений вновь бы-
лое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих те-

ней.

Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки во-
круг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущен-
ный взгляд...

Это было! все, что было, возвратил вечер-
ний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа
проснется вновь,

Вечным светом загорятся — лишь влюб-
ленность!

лишь любовь!

1904

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.
Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный
Майским дождем, —
Жрец, преклоненный
Пред алтарем.
День миновавший,
Свет отснявший,
Дождь пробежавший, —
Гимн этот — вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!
Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений

С миром земли!

10 мая 1905

НА САЙМЕ

*Тебя полюбил я, красавица нежная...
Вл. Соловьев*

«**Меня, искавшего безумий...**»

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшегося думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.
И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осеня,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.
И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных,
Залог признаний безглагольных, —
Возник твой облик надо мной!

1905

Рауһа

«Желтым шелком, желтым шелком...»

Желтым шелком, желтым шелком
По атласу голубому

Шьют невидимые руки.

К горизонту золотому

Ярко-пламенным осколком

Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной

Убирает кто-то дали,

Расстилая багряницы,

И в воде желто-лазурной

Заметались, заблестали

Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,

Извивая под лучами

Спин лучистые зигзаги,

Беспощадными губами

Ловят, ловят все смелее

Птиц, мелькающих во влаге!

1905

Rauha

«В дали, благостно сверкающей...»

В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нижет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель лижет.
Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибора,
Голос сладко-убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.
Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.

1905

Rauha

«Мох, да вереск, да граниты...»

Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.
Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным стоном
Наклоненный бурей ствол.
Сколько мощи! сколько лени!
То гранит, то мягкий мох...
Набегают ночь без тени,
Вея, словно вещей вздох.

1905

Rauha

«Я — упоен! мне ничего не надо!..»

Я — упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон,
Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, золотым,
И, проблестав над синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дым,
И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой — и ты,
Моим глазам свои вверяя очи,
Смущаясь и томясь, искала б темноты!

1905

Rauha

«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
Нас вечер встречает молчаньем.
И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
За сампо рубились когда-то.
И сердце не верит, дыша тишиной,
Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной истоме.
11 сентября 1905
Rauha

«Голубое, голубое...»

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.
То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Все — истома, все — любовь!
То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905

Rauha

«Воздух живительный, воздух смолистый...»

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.

Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.

Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.

Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье пристрастье
Мир бытию!

Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908

Rauha

ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВ

*Познал ты правду вечную кумиров.
Ив. Коневской*

К ДЕМЕТРЕ

Небо четко, небо сипе,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;
Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!
Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!
Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремя,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!
И в душе за ночью зимней
Тоже — свет, и тоже — тишь.

Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?
Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.
Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!
Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!
1904

АДАМ И ЕВА

Ева

Адам! Адам! приникни ближе,
Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

Адам

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.

Ева

Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клонит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои — касанья из огня!

Адам

Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?

Ева

Адам! Адам! я — вся безвольна...

Где ты, где я?., все — сон иль явь?
Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня — оставь! оставь!

Адам

Так надо, надо, Ева! Ева!
Я — твой! Я — твой! Молчи! Молчи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!

Ева

Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?
Ты позабыл слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

Адам

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева, —
Текущий красный, красный сок.
Январь 1905

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Орфей

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Эвридика

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

Орфей

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Эвридика

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Орфей

Верь мне! верь мне! у порога

Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Эвридика

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевоу страны!

Орфей

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Эвридика

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

Орфей

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Эвридика

Помню счастье, друг мой бедный,

И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

Орфей

— Так смотри! — И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.

— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

1903, 10–11 июня 1904

МЕДЕЯ

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.
Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червлёный, —
С земли рванулись, понеслись.
Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.
«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!

Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.
Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.
Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?
Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?
Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.
Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.
Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,

Верх Ээтова дворца».
Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.
Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.
Октябрь 1903, 1904

БАЛЬДЕРУ ЛОКИ

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я внесусь багряной тучей;
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, — и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, —
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловещим снам, —
Я предам, со смехом, тело
Всем распятыям! всем цепям!
Пусть в пещере яд змеиный
Жжет лицо мне, — я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!
Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.
В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День настанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной

Встанет зарево огня, —
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! — за меня.
Ноябрь 1904

ТЕЗЕЙ АРИАДНЕ

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!
Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмог.
В борьбе меня твой лик божественный
Властней манил, чем дальний лавр...
Разил я силой сверхъестественной, —
И пал упрямый Минотавр!
И сердце в первый раз изведало,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе — на темном корабле!
Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, — быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное

На этом мху береговом.
Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копьё!»

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,
Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.
А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.
1 — 2 июля 1904

АХИЛЛЕС У АЛТАРЯ

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.
Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.
Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!
Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!
Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.
И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою

Я спокойного лица!
Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.
И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.
27 января 1905

КЛЕОПАТРА

Нет, как раб не буду распят,
Иль как пленный враг казнен!
Клеопатра! — Верный аспид
Нам обоим принесен.
Вынь на волю из корзины,
Как союзницу, змею,
Полюбуйся миг единый
На живую чешую.
И потом на темном ложе
Дай припасть ей нам на грудь,
Сладким холодом по коже
В быстрых кольцах проскользнуть.
Не любовь, но смерть нам свяжет

Узы тягостные рук,
И, скрутясь, меж нами ляжет
Наш последний тайный друг.
Губы в губы, — взгляд со взглядом, —
Встретим мы последний суд.
Два укуса с жгучим ядом
Сжатых рук не разомкнут.
И истома муки страстной
Станет слабостью конца,
И замрут, дрожа согласно,
Утомленные сердца.
Я как раб не буду распят,
Не покорствуй как раба!
Клеопатра! — Верный аспид —
Наша общая судьба.

1905

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.
Боролись за народ трибуны
И императоры — за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил — страсть!
Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!
Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.
Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.
Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,

И стыд, и гибель — за тебя!
О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!
Апрель 1905

ПАТМОС

Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда
Смотрел из мира в вечность он.
Все эти лики, эти звери,
И ангелы, и трубы их
В себе вмещали в полной мере
Грядущее судеб земных.
Но в миг, когда он видел бездны,
Ужели ночь была и час,
И все вращался купол звездный,
И солнца свет краснел и гас?
Иль высшей волей провиденья
Он был исторгнут из времен,
И был мгновеннее мгновенья
Всевидящий, всезрящий сон?
Все было годом или мигом,

Что видел, духом обуян,
И что своим доверил книгам
Последний вестник Иоанн?
Мы в мире времени, — отсюда
Мир первых сущностей незрим.
Единый раз свершилось чудо —
И вскрылась вечность перед ним.
1902

ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?
Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно служила
Лира твоя, о Орфей!
Мощен Геракл, благороден Менотий,
Мудр многоопытный старец Нелей, —
Ты же провидел в священной дремоте
Путь предстоящий, Орфей!
Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,

Будь им сподвижник, Орфей!
Славь им восторг достижимой награды,
Думами темных гребцов овладей
И навсегда закляни Симплегады
Гимном волшебным, Орфей!

5 — 6 ноября 1904

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

*В страну без возврата, в жилище
мертвых устремилась богиня Ис-
тар — вывести души из ада, чтобы они
вновь ели и жили.*

Из ассирийского эпоса

В ПОЛДЕНЬ

Свершилось! молодость окончена!
Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утонченно
Сиянье утра надо мной.
Как жрец, приветствуя мгновения,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.
И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:
Признав в душе, навстречу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый

Заветной радугой любви,
И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностями сжать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!
Зарю, закатно-розоперстую,
Уже предчувствуя вдали.
Смотрю на бездну, мне отверстую,
На шири моря и земли.
Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томительной
Всем существом впиваю высь.
13 — 14 сентября 1903, 1904

ПОРТРЕТ

Черты твои — детские, скромные;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездомные.
Большие зрачки.
Движеньями грустно-усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.
Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.
Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.
Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчужные
Поникшей душой.
К глубинам родным наклоняешься,
И рада виденьям, — но вдруг,
Вся вздрогнув, опять возвращаешься

Печально в наш круг.
20 — 21 февраля, 1905

ЖРЕЦЕ ЛУНЫ I

По твоей улыбке сонной
Лунный отблеск проскользнул.
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебе призыв шепнул.
Над твоей улыбкой сонной
Лунный луч проколдовал,
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебя поцеловал.
И, заслыша зов заклятий,
Как родные голоса, —
Обратила ты к Гекате
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зов заклятий,
Бледным светом залита,
Обратила ты к Гекате
Помертвелые уста.
В жажде ласки, в жажде страсти
Вся ты — тайна, вся ты — ложь.
Ты у лунных сил во власти,
Тело богу предаешь.
В жажде ласки, в жажде страсти,

Что тебя целую я!

У Астарты ты во власти,

Ты — ее, ты — не моя!

1904

ЖРИЦЕ ЛУНЫ II

Владыка слов небесных, Тот,
Тебя в толпе земной отметил, —
Лишь те часы твой дух живет,
Когда царит Он, — мертв и светел.
Владыка слов небесных, Тот,
Призвал тебя в свой сонм священный:
Храня таинственный черед,
Следишь ты месяц переменный.
Приходит день, приходит миг;
Признав заветные приметы,
Ночному богу тайных книг
Возобновляешь ты обеты.
Приходит день, приходит миг:
Ты в сонме жриц, в нездешнем храме,
Целуешь мертвый, светлый лик
Своими алыми губами.
Ты миру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И в шуме дня тобой, всегда,

Владеет вещая дремота.
Ты миру нашему чужда,
Где слепо властвует Изида.
Меж нами — вечная вражда,
Меж нами — древняя обида!
Октябрь 1904

КУБОК

*И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia, Vigilia*

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.
О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю, —
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!
Я знаю, меч меня не минет,
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет

Моя сожженная душа!

Январь 1905

МОЛНИЯ

О пять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.
С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожарища,
В дыму последнего огня.
«Ты — наш! — вскричали в дикой нежно-

сти, —

Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»
И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор.
17 ноября 1904

В ЗАСТЕНКЕ

Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклятьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?
Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил — грудь на грудь?
Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!
Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.
Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.
В диком вихре — кто мы? что мы?
Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истомы

Нас, как уголья, прожгли.
Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?
Сораспятая на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!
10 — 11 декабря 1904

ВИДЕНИЕ КРЫЛЬЕВ

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной
Пред соблазном тьмы.
Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути, —
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!
Что твои усилья

Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья! —
Яркое виденье
Ослепило нас.
Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чайньи полета
Бросимся вдвоем!
4 — 5 ноября 1904

В ТРЮМЕ

Мы — двое, брошенные в трюм,
В оковах на полу простертые.
Едва доходит в глуби мертвые
Далеких волн неровный шум.
Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры нам прочитаны,
И нас влечет корабль испытанный
Из мира жизни навсегда.
Зачем же ты, лицом упав
На доски жесткие, холодные,
Твердишь про области свободные,

Про воздух гор и запах трав!
Забудь о радостных путях,
Забудь благоуханья смольные,
Наш мир — недели подневольные,
Наш мир — молчанье, мрак и прах.
Но в миг, когда, раскрывши дверь,
Палач поманит нас десницею,
Останься пленною царицею,
Мне руку скованную вверх.
Мы выйдем с поднятым челом,
На мир вечерний взглянем с палубы,
И без упрека и без жалобы
В челнок последний перейдем.

1905

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

Бледнеют тени. Из-за ставен
Рассвет бесстыдно кажет лик.
Над нами новый день бесправен,
Еще царит последний миг.
Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой.
Твое лицо белее снега,
Но строг и ясен облик твой.
Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты — смятые — вином.
На шкуры барсов и медведей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о победе
Над темным гением Судьбы!
Ты подняла фиал фалерна
И бросила... Условный знак!
Моя душа осталась верной:
Зовешь меня — иду во мрак.
У нас под складками одежды,
Я знаю, ровен сердца стук...
Как нет ни страха, ни надежды —

Не будет ужаса и мук.
Два лезвия блеснут над ложем,
Как сонный вздох, провеет стон, —
И, падая, мы не встревожим
Кентавров пьяных тусклый сон.
1905

В СКЛЕПЕ

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.

Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.

В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,

На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,

Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?

Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,

У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!

Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты — прекрасна в миртовом венце.

Я целую свет небесный на твоём лице!

1905

ДВА ГОЛОСА

Первый

Где ты? где ты, милый?

Наклонись ко мне.

Призрак темнокрылый

Мне грозил во сне.

Я была безвольна

В сумраке без дня...

Сердце билось больно...

Другой

Кто зовет меня?

Первый

Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?

Другой

В склепе я — с тобой!

Первый

Саваном одеты
Руки, плечи, — прочь!
Милый, светлый, где ты?
Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где ж твои объятия?

Другой

Разве ты жива?

Первый

И сквозь тьму немую
Вижу — близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты

Про любовь свою?

Любишь, как любил ты?

Другой

Понял. Мы — в раю.

1905

ИЗ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ

Астарты! Астарты! и ты посмеялась,
В аду нас отметила знаком своим,
И ужасы пыток забылись как малость,
И радость надежд расклубилась как дым.
Одно нам осталось — сближаться, сливаться-
ся,

Слипаться устами, как гроздьям висеть,
К святыням касаться рукой святотатца,
Вплетаться всем телом в Гефестову сеть.
Дай бледные руки, где язвы распяты!
Дай бедную грудь, где вонзалось копье!
Края плащаницы хочу целовать я,
Из гроба восставшее тело твое!
Царица желаний, изведшая души
Из бездны Иркалы на пламенный свет!
Тебе, необорной, мы детски послушны:
И ложе — как храм, и любовь — как обет!
Астарты небесной, предвестнице утра,

Над нами сияющей ночью и днем,
Я — жрец темноглазый, с сестрой темно-
кудрой,

И ночью и днем воспеваю псалом.

28 — 30 июля 1905

Антоновка

МАРГЕРИТ

Ты — как камень самоцветный,
Ты — как жемчуг маргерит:
Тайный пламень, чуть заметный,
В глубине его горит.
Я — как уголь: жгучим горном
Пережженный, я погас, —
Но таится в угле черном
Ослепительный алмаз.
Года круг велик и долог,
В круге целый мир сокрыт:
И включил священный Пролог
Книгу тайны — Маргерит.
Книгу ль тайн не облечете
В пышный бархат и атлас?
Пусть блестит на переплете
В ясном золоте алмаз!
Выпал жребий предрешенный:

Уголь — я, ты — маргерит.
Но мой лик преображенный
Пред твоей душой горит!
1905

МГНОВЕНИЯ

Но есть сильнее очарованье...

Ф. Тютчев

«Костра расторгнутая сила...»

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.
И опаленны и бессильны
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя — прах могильный,
Над нами расточенный дым.
Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть, —
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!
23 марта 1904

«Серафимов вереницы...»

Серафимов вереницы
Наше ложе окружили.
Веют в пламенные лица
Тихим холодом воскрылий.
Серафимы полукругом
Наклонились к изголовью;
Внемлем с радостным испугом
Неземному славословью.
Реют лики светлым дымом,
И крылами гасят свечи,
И кропят дождем незримым
Наши огненные плечи.
1905

«Когда мы бывали...»

Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —
Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичей постели,
Над полями зелеными.
1905

«Дай устам моим приникнуть...»

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.
Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.
Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.
Девы! девы! громче киньте
Через сумрак вещей зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.
Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.
Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.
Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дрожью

Ты поникла надо мной.

1905

ИЗ ПЕСЕН МАЛЬДУНА

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!
Ах! вам все снятся магнолий
Купы над синим заливом, —
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоеньи ленивом.
Ах! вам все помнятся, братья,
Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!
Полно! изведано счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладострастья,
Вольные волны нас ринут.
Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету,
Мы по природе — бродяги,
Мы — моряки по обету!
Спите же сном беззаботным,

Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!

10 — 12 июля 1905

ПРОЩАНИЕ

Вот и ты, печальная, отчалила
От моих безмолвных берегов.
Солнце бледный твой веночек ужалило,
Солнце воды окропило золотом,
Дали синие — перед тобой как зов.
Я один теперь под сводом каменным,
Я один среди померкших скал.
Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам,
Их вносить над горном жгуче-пламен-
ным,

Опускать их па пылающий металл.
Гулок стук. Со мной лишь гномы пленные,
Злобные пособники мои,
Да мои видения мгновенные,
Да в мечтах последних — волны пенные,
Рассеченные движением ладьи.

12 апреля 1904

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

*Бродя по думам и влачась по дням.
Tertia Vigilia*

ВСТРЕЧА

*Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire («A une passante»)[3]*

О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!
На зыби яростной мгновенного
Мы двое — у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» — Ответ: «Кто ты?»
И взором прошлое рассказано,
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...
Но миг прошел, и мы не с ней.
Далеко, там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,

Не вся любовь пережита!

29 сентября 1904

НА УЛИЦЕ

На людной улице, безумной и мятежной,
Мы встретились на миг.
Знакомый взор с какой-то грустью нежной
В меня проник.
И мы вдвоем над зеркалом покатым
Дрожали не дыша.
В нем отражалась призраком крылатым
Твоя душа.
А я бескрылой, падающей тенью
Был рядом повторен.
Как будто звал к последнему паденью
Отвесный склон.
И я ступил ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла,
И встретил шаг лишь каменные плиты
Взамен стекла.
11 января 1904

В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ

Ходят и дерзко поводят плечами,
Камнями, тканями, телом блестя,
Бедрами, шелком шурша, шелестя...
«Что же, дитя, ты стоишь как во храме?
Очи опущены, шея закрыта...
Кто ты, дитя?»
— «Я — Афродита!»
«Пенорожденная! Андиомена!
К жертвам привыкшая Эроса мать,
Здесь, где властители — купля и мена,
Что тебе медлить? чего тебе ждать?»
«Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!
Лгите зовом поцелуя,
О любви ведите торг, —
В миг последний, торжествуя,
Опьянит глаза восторг!
Все признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость — лишь тропа,
Где иду я к полю жатвы
С яркой молнией серпа.

В тишине альковов брачных
И в веселье грешных лож
Желтизну колосьев злачных
Узнает равно мой нож.
Здесь иль нет, пришлец случайный,
Ниц ты склонишься челом —
Пред моей предвечной тайной,
Под моим святым серпом!»
1905

В РЕСТОРАНЕ

Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад,
Сверкайте пламенем пред нами,
Чтоб не блуждать нам наугад!
Как лица женщин в синем свете
Обнажены, углублены!
Взметаите яростные плети
Над всеми, дети Сатаны!
Хрусталь горит. Вино играет.
В нем солнца луч освобожден.
Напев ли вальса замирает
Иль отдаленный сонный стон?
Ты вновь со мной! ты — та же! та же!
Дай повторять слова любви...

Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их — в крови.
Звени огнем, — стакан к стакану!
Смотри из пытки на меня!
— Плывет, плывет по ресторану
Синь воскресающего дня.
1905

КАМЕНЩИК

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.
Горе тем, кто свеж и молод
Здесь, в тюрьме земной!
Нам дана любовь — как цепи,
И нужда — как плеть...
Кто уйдет в пустые степи
Вольно умереть!
Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.
Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, — чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!
Декабрь 1903

В ИГОРНОМ ДОМЕ (Chemin de fer)[4]

«**К**то они, скажи мне, птица,
Те двенадцать вокруг стола?
Как на их земные лица
Тень иного налегла?»
«Это я в узорной башне
Заточила души их,
Их сознаний звук всегдашний
Сочетала в звонкий стих.
Это я дала червонцам
Тусклый блеск, холодный яд.
И подсолнечники к солнцам
Обращенные стоят.
Я язык дала их знакам,
Их речам бессвязным смысл,
Им дала упиться мраком
Тайных символов и числ.

Я — мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
След святого поцелуя —
Тень им ляжет на чело.
Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутый круг.
Не иди, безумец, мимо,
Будь со мной и будь мне друг!»
И, дрожа крылами, птица
Взором верных обвела,
И покрылись тенью лица,
Все двенадцать вокруг стола.
Октябрь 1903

В ВАГОНЕ

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда наш свет погас.
Два спутника случайные,
В молчаньи, без огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки с ней.
Дрожал вагон размеренно,
Летел своим путем,
Дрожал вагон размеренно,
Качая нас вдвоем.
И было здесь влияние
Качания и тьмы,
И было здесь влияние,
В котором никли мы.
И чьи-то губы приблизились
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы приблизились...
Иль это снилось нам?
В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,

Когда в них свет погас.
12 — 13 июня 1904, 1905

КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.
Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.
Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной каши
Стройно встали тополя.
Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.
И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.
И в лесу под дубом темным,

Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.
Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.
И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.
18 декабря 1904

ПОСЛЕ ПИРА

Мы с дрожью страсти и печали,
Едва над морем рассвело,
Ей чресла розами венчали
И гиацинтами чело.
На теле розовом и белом
Как кровь горели капли роз,
Одни мы были в мире целом,
И храмом стал нагой утес.
Жрецы ночей и наслаждений,
Мы перед вечной Красотой
Склонили радостно колени,

Воспев неволью гимн святой.
Но там внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покров,
Открылись вышедшие рано
На ловлю лодки рыбаков.
И, отзвук песни их убогой
На высоте заслышав вдруг,
Она, объятая тревогой,
Разорвала наш тесный круг.
И солнце, беспощадным ликом,
Взглянув, огнем зажгло волну,
И, шаг ступив, с победным криком
Она низверглась в глубину.
Февраль 1904, ноябрь 1905

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!
В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.
Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?
Режем ли медленный Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?
Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!
Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна

В честь венценосной гетеры.
Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?
Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?
Эх, что мечтать! все равно —
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.
Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быстролетной триремы.
1904

К ОЛИМПИЙЦАМ

Все как было, все как вечно.
Победил и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.
Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.
Все — обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.
Все победы — унижение,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убит!
На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!
Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный

Твой, о брат мой Прометей!
Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах, —
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15 — 16 декабря 1904

СОВРЕМЕННОСТЬ

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Ф. Тютчев*

КИНЖАЛ

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой
клинок...
М. Лермонтов*

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,

Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,

Не веря в робкие призывы.
Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник бор-
бы,
Я вторю грому с небосклона.
Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной ста-
ли,
И снова я с людьми, — затем, что я поэт.
Затем, что молнии сверкали.
1903

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.
Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.
Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,

Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блещущей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!

Вот она, сродная сердцу стихия!

Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат Океан! ты — как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

27 января 1904

ВОЙНА

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты. — дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.
И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гневемать,
И с детства ты к сосцам пантеры
Привыкла жадно припадать.
Ты мощью в мать, хотя суровой,
По сердцу ты близка с отцом,
И не людскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.
Как высший судия, всевластно
Проходишь ты тропой веков,
И кровь блестит полоской красной
На жемчугах твоих зубов.
Ты золотую чашу «право»,
Отцовский дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный пир.
И за тобой, дружиной верной,
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,

Тобой подслушанный в лесах.
1904–1905

НА НОВЫЙ 1905 ГОД

*И вот в железной колыбели,
В громах, рождается новый год.
Ф. Тютчев (1856)*

Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.
Как исполин в ночном тумане
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.
Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.
Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.
И в упоении и в страхе

Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.
Декабрь 1904

К СОГРАЖДАНАМ

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа.
В глухих степях, под небом хмурым,
Тревожный дух наш опочил,
Где над Мукденом, над Артуром
Парит бессменно Азраил.
Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!
Когда падут крутые Веи
И встанет Рим как властелин,
Пускай опять идут плебеи
На свой священный Авентин!
Но в час сражений, в ратном строе,
Все — с грудью грудь! и тот не прав,
Кто назначенье мировое

Продать способен, как Исав!
Пусть помнят все, что ряд столетий
России ведать суждено,
Что мы пред ними — только дети,
Что наше время — лишь звено!
Декабрь 1904

ЦУСИМА

Великолепная могила!
Пушкин

Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно-южными волнами,
Изнеможен, почил наш флот.
Как стая птиц над океаном,
За ним тоскующей мечтой
По странным водам, дивным странам
Стремилась мы к мете одной.
И в день, когда в огне и буре
Он, неповинный, шел ко дну,
Мы в бездну канули с лазури,
Мы пили смертную волну.
И мы, как он, лежим, бессильны,
Высь — недоступно далека,

И мчит над нами груз обильный,
Как прежде, южная река.
И только слезы, только горе,
Толпой рыдающих наяд,
На стрелах солнца сходят в море,
Где наши остовы лежат.
Да вместе призрак величавый,
Россия горестная, твой
Рыдает над погибшей славой
Своей затеи роковой!
И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!
10 августа 1905

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!
Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!
Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!
Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!
Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!
Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — вырождающиеся времена!
Довольно споров. Брошен жребий.

Плыви, мой конь, чрез Рубикон!
Август 1905

ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты не прав!
Мои стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!
Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я, под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.
Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.
Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.
Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям — дали всех дорог.
15 — 16 июля, 20 августа 1905

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.
Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.
Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Мара.
Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.
Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.
16 августа 1905
Антоповка

ЦЕПИ

Их цепи лаврами обвил.

Пушкин

Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
В уступках ищите защиты.
Когда б с отчаяньем суровым
В борьбе пошли вы до предела,
Я мог венчать вас лавром новым,
Я мог воспеть вас в песне смелой.
Когда бы, став лицом к измене,
Вы, как мужчины, гордо пали,
Быть может, в буре вдохновенней
Я сплел бы вам венец печали!
Но вы безвольны, вы бесполы,
Вы скрылись за своим затвором.
Так слушайте напев веселый.
Поэт венчает вас позором.
Август 1905

ПАЛОМНИКАМ СВОБОДЫ

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздымал к простору Храм Свободы,
Затерянный в тайге глухой.
Сюда, предчувствием томимы,
К угрюмо запертым дверям,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.
И, плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили, — той же вере
Учить, как тайне, сыновей.
И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.
Так что ж, с испугом и укором,
Паломники иных времен
Глядят, как зарево над бором
Весь заливают небосклон.

1905

УЛИЧНЫЙ МИТИНГ

Кто председатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Дух, с мечом,
Как черный нетопырь — крылатый,
Но ликом сходный с божеством?
Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намечаешь жертв ряды?
Не ты ли в миг последний взглянешь
В лицо всем — яростным лицом —
И в руки факелы протянешь
С неумирающим огнем?
И вспыхнут заревом багряным
На вечном небе облака,
И озарятся за туманом
Еще не вставшие века.
Ты в пламени и клубах дыма
Отпляшешь танец страшный свой,
Как ныне властвуя незримо
Над торжествующей толпой.
Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара

Воздвигнешь новый мир — не ты!
22 октября 1905

ЛИК МЕДУЗЫ

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетенья змей.
Это — хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!
В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословии
Заклеймит тебя, поэт!
Но при заревах, у плахи,
На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.
Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века — в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.
Мир заветный, мир прекрасный

Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.
С громом близок голос музы,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Медузы,
Там, над далью темных дней.
Сентябрь 1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!
Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!
Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!
Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,

Не агора, а общий зал.
На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!
18 октября 1905

ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ

*Топчи их рай, Аттила.
Вяч. Иванов*

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.
Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.
Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,

Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!
А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.
И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?
Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904

30 июля — 10 августа 1905

К СЧАСТЛИВЫМ

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.
Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;
Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.
Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.
Свобода, братство, равенство, все то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.
Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знанья,
И Красоты осуществленный лик

Насытит их предельные желанья.
И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.
Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им, — мы гибнем даром.
Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904. Август 1905

ФОНАРИКИ

Столетия — фонарики! о, сколько вас во
тьме,

На прочной нити времени, протянутой в
уме!

Огни многообразные, вы тешите мой
взгляд...

То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом
саду,

В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по де-
сяти.

Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный
свет:

Цветы в крови, трава в крови, и в небе
красный след.

А вот гирлянда желтая квадратных фона-
рей.

Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный
луч,

И тянется властительно с земли до хмурых

туч.

Но что горит высоко там и что слепит мой
взор?

Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Взнесенный, неподвижен он, в простран-
ствах —

брат звезде,
По пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен
строгий вход.

Тебя ли не признаю я, святой Периклов
век!

Ты ясностью, прекрасностью победно мрак
рассек!

Вхожу: все блеском залито, все сны вопло-
щены,

Все краски, все сверкания, все тени сплете-
ны!

О Рим, свет ослепительный одиннадцати
чаш:

Ты — белый, торжествующий, ты нам род-
ной, ты наш!

Век Данте — блеск таинственный, зловеще
золотой...

Лазурное сияние, о Леонардо, — твой!..

Большая лампа Лютера — луч, устремлен-
ный вниз...

Две маленькие звездочки, век суетных
маркиз...

Сноп молний — Революция! За ним гро-
мадный шар,

О ты! век девятнадцатый, беспламенный
пожар!

И вот стою ослепший я, мне дальше нет до-
рог,

А сумрак отдаления торжественен и строг.

К сырой земле лицом припав, я лишь могу
глядеть,

Как вьется, как сплетается огней мельк-
нувших сеть.

Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной
тени

Сокрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

СЛАВА ТОЛПЕ

В пропасти улиц накинута,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!
Области Солнца задвинута
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь потонуть!

Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам все глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не досягнуть!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувствен-

НОМ

Этой всемирной тюрьмы!
Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены, —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы — в цепях!

Слушайте ж песнь храмовых славословий,
Вечно живет, как кумир, нам поставлен-
ный, —

Каменный прах!
Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.
Славлю я лики благие
Избранных веком угодников
(Черни признанье — бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!).

Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным хо-
хотом

Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом

Двигутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней, —
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаваний,
К ликующим вывескам наглых огней!
Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда, среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением,
Стремится к торжественной цели,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!
Славлю я правду твоих своеволий,

Толпа!

1904

ДУХИ ОГНЯ

Потоком широким тянулся асфальт.
Как горящие головы темных повешен-
ных,

Фонари в высоте, не мигая, горели.

Делали двойственным мир зеркальные ок-
на.

Бедные дети земли

Навстречу мне шли,

Города дети и ночи

(Тени скорбей неутешенных,

Ткани безвестной волокна!):

Чета бульварных камелий,

Франт в распахнутом пальто,

Запоздалый рабочий,

Старикашка хромящий, юноша пьяный...

Звезды смотрели на мир, проницая туман-
ны,

Но звезд — в электрическом свете — не ви-
дел никто.

Потоком широким тянулся асфальт.

Шаг за шагом падал я в бездны,

В хаос предсветно-дозвездный.
Я видел кипящий базальт,
В озерах стоящий порфир,
Ручьи раскаленного золота,
И рушились ливни на пламенный мир,
И снова взносились густыми клубами, как
пар,

Изорванный молниями в клочья.
И слышались громы: на огненный шар,
Дрожавший до тайн своего средоточья,
Ложились удары незримого молота.
В этом горниле вселенной,
В этом смешеньи всех сил и веществ,
Я чувствовал жизнь исступленных су-
ществ,

Дыхание воли нетленной.

О, мои старшие братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!

Моей душе раскройте объятья,
В свои предчувствия — светлы,
В свои желанья — пожары —
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
Дайте низвергнуться в вихрь, непрерыв-

ный и ярый,

Ваших безмерных трудов и безумных забав!

Дайте припасть мне к сверкающей чаше
Вас опьянявших отрав!

Вы, — от земли к облакам простиравшие
члены,

Вы, кого зыблил всегда огнеструйный са-
мум,

Водопад катастроф, —

Дайте причастным мне быть неустанной
измены,

Дайте мне ваших грохочущих дум,
Молнийных слов!

Я буду соратником ваших космических
споров,

Стихийных сражений,

Колебавших наш мир на его непреложной
орбите!

Я голосом стану торжественных хоров,

Славящих творчество бога и благодать гря-
дущих

событий,

В оркестре домирном я стану поющей
струной!

Изведаю с вами костры наслаждений,
На огненном ложе,
В объятьях расплавленной стали,
У пылающей пламенем груди,
Касаясь устами сжигающих уст!
Я былинка в волкане, — так что же!
Вы — духи, мы — люди,
Но земля нас сроднила единством бла-
женств и печалей,
Без нас, как без вас, этот шар бездыханен и
пуст!

Потоком широким тянулся асфальт.
Фонари, не мигая, горели,
Как горящие головы темных повешенных.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли
(Тени скорбей неутешенных!):
Чета бульварных камелий,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша пьяный,

—
Города дети и ночи...
Звезды смотрели на мир, проницая туман-
ны.

19 февраля 1904, 1905

В СКВЕРЕ (Erlkönig)[5]

— Что ты здесь медлишь в померкшей ко-
роне,

Рыжая рысь?

Сириус ярче горит на уклоне,

Открытей высь.

Таинства утра свершает во храме,

Пред алтарем, новоявленный день.

Первые дымы встают над домами,

Первые шорохи зыблют рассветную тень,

Миг — и знамена кровавого цвета

Кинет по ветру, воспрянув, Восток.

Миг — и потребует властно ответа

Зов на сраженье — фабричный гудок.

Улицы жаждут толпы, как голодные звери,

Миг — и желанья насытят они до конца...

Что же ты медлишь в бледнеющем сквере,

Царь — в потускневших лучах золотого
венца?

Рысь

Да, я — царь! ты — сын столицы,

Раб каменьев, раб толпы,

Но меня в твои границы
Привели мои тропы.
Здесь на улицах избита
Вашей поступью трава,
Здесь под плитами гранита
Грудь земная не жива.
Здесь не стонут гордо сосны,
Здесь не шепчет круг осин,
Здесь победен шум колесный
Да далекий гул машин.
Но во мгле былого века,
В годы юности моей,
Я знавал и человека
Зверем меж иных зверей.
Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
В города стекла и стали
От деревьев, от земли.
Что ж теперь, встречая годы
Беспощадного труда,
Рветесь вы к лучам свободы,
Дерзко брошенной тогда?
Там она, где нет условий,
Нет запретов, нет границ, —
В мире силы, в мире крови,

Тигров, барсов и лисиц.
Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
В мир свободы, в мир зеленый
Я, ваш царь, давно вас жду.
Возвращайтесь в лес и в поле,
Освежить их ветром грудь,
Чтоб в родной и в дикой воле
Всей природы потонуть!
1905

КОНЬ БЛЁД

*И се конь блед и сидящим на нем,
имя ему Смерть.
Откровение, VI, 8*

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый
Рок.

Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской по-
ток.

Вывески, вертясь, сверкали переменным
оком,

С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;

В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком

Выкрики газетчиков и щелканье бичей.

Лили свет безжалостный прикованные луны,

Луны, сотворенные владыками естеств.

В этом свете, в этом гуле — души были юны,

Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,

В этот воплотившийся в земные формы бред,

Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,

Заглушая гулы, говор, грохоты карет.

Показался с поворота всадник огнеликий,

Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.

В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,

Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,

Огненные буквы возвещали имя: Смерть...

Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,

В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,

То, упав на мостовую, бились в общей груде...

Звери морды прятали, в смятеньи, между ног.

Только женщина, пришедшая сюда для сбыта

Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,

Плача целовала лошадиные копыта,

Руки простирала к огневеющему дню.

Да еще безумный, убежавший из больницы,

Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:

«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновение.

Через миг в толпе смятенной не стоял никто:

Набежало с улиц смежных новое движение,

Было все обычным светом ярко залито.

И никто не мог ответить, в буре многошумной,

Было ль то виденье свыше или сон пустой.

Только женщина из зал веселья да безумный

Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.

Но и их решительно людские волны смыли,

Как слова ненужные из позабытых строк.

Мчались омнибусы, кебы и автомобили,

Был неисчерпаем яростный людской по-

ТОК.

Май, июль и декабрь 1903

Примечания

1

Венок

[^^^]

2

Музыки прежде всего. П. Верлен (фр.).

[^^^]

3

О ты, которую я мог бы полюбить,
о ты, которая это знала!

Ш. Бодлер, «Прошедшей мимо» (фр.).

[^^^]

4

Буквально: железная дорога (фр.); здесь: название карточной игры.

[^^^]

Лесной царь (нем.).

[^^^]